

— Простите, сударыня, я не знаю, къ чему ведетъ вашъ разговоръ. Ни земли, ни денегъ мнѣ не нужно. Мнѣ нужно было взглянуть на Льва Николаевича, что бы написать его портретъ. Я не предполагалъ, что у васъ учрежденъ такой строгій контроль. Я не думаю, чтобы Левъ Николаевичъ былъ доволенъ такой ужасной опекой. Я хотѣлъ бы васъ предупредить, сударыня, извиняясь еще разъ, что не имѣю чести васъ знать, что передъ вами человѣкъ не съ улицы, а художникъ.—Я потерялъ равновѣсіе и говорилъ въ большомъ волненіи. Голосъ у меня дрожалъ и переходилъ въ крикъ.

— Я не буду спорить съ Вами, продолжалъ я, но на «Ясную Поляну» устремлены взоры всего міра. Здѣсь центръ, здѣсь гордость всей страны.

Отсюда диктуются всему человѣчеству слова „любви, мира и справедливости“. Великій писатель принадлежитъ народу, человѣчеству, всему свѣту... если народъ не забываетъ того, чьими духовными соками онъ питается, то слава этому народу, слава!

Черезъ минуту я остался одинъ. Руки у меня тряслись, я давно не былъ такъ возбужденъ, никогда не чувствовалъ такого одиночества, какъ въ переживающій моментъ.

Я поднялся, чтобы уйти... Я еле пришелъ въ себя...

Но тутъ произошло нѣчто необычайное...

Крестьяне сорвались со скамьи, которая находилась противъ дома, у малой террасы и бросились на колѣни.